

ОЛИМПИЕЦ

Повесть

1

Валера увидел на площади суетливую толпу. Недалеко от памятника Ленину с гомоном носились дети. Кудяхтали и размахивали списками фамилий раскрасневшиеся воспитатели. Родители торопливо выгружали из багажников авто рюкзаки и сумки. Горластые тренеры не могли сосчитать привезенный с собой спортивный инвентарь. Пацаны в красно-белых майках встали в круг и по очереди чеканили мяч. Девочки лет тринадцати делали селфи с историческим монументом.

Патрульные машины, преградив въезд, изредка побрякивали сиренами. У обочины, путаясь в веренице припаркованных легковушек, возвышались два туристических автобуса.

— Здорово.

Услышав знакомый голос, Валерка обернулся.

Эдуард щелчком выстрелил окурком и протянул руку. Невысокий, с короткой стрижкой и кришнаитской косичкой на затылке. На Эде были выцветшая майка с едва уловимым изображением Гребенщикова и широленные бриджи кислотного цвета. За спиной гитара, одетая в джинсовый чехол, левое плечо оттягивала дорожная сумка.

— Как думаешь, опохмелиться успею? — спросил Эдик, поправив лямку на плече. — Там «Спар» за углом. Рванем по пиву?

— Ты че, обалдел, что ли? — выпучил глаза Валерка.

— Нормально. Ты лучше глянь, Вожак не видно?

Вожакон они прозвали Руслана Вафовича, директора спортивно-оздоровительного лагеря «Олимпиец», по совместительству дядю Эдуарда.

— Да вон он, с тренерами перетирает.

— Вот гад, — Эдуард в сердцах бросил сумку на асфальт, — ну вот как после этого быть?! Это ли не юдоль скорби?

Заметив ребят, директор бодрой походкой направился к ним. Подтянутый, с седым ежиком на голове. На свои шестьдесят три дядя Эдуарда совсем не выглядел. Его можно было принять за рано поседевшего, крепкого сорокалетнего мужчину.

— Че стоим? Кого ждем? — отрывисто бросил Вожак.

— Мы тоже рады вас видеть, Руслан Вафович, — устало выдавил Валера.

— Так, без разговоров. Дуйте ко второму автобусу, поедете с борцами.

Закинув сумки в багажный отсек, ребята поднялись в автобус.

Дети бегали по узкому салону, визжали, шелестели фольгой, отнимали друг у друга чипсы и газировку. Кто-то отчаянно пытался сорвать с окон занавески. Другие

Иван Олегович Катков родился в 1986 году в Казахстане, в г. Актюбинске. Учился в Нижегородском государственном университете им. Лобачевского (филфак). Публиковался в журналах «Великороссь», «Слово», «Пролог», Русский переплет», «Сетевая словесность», «Начинающий писатель», «Гостиная» и др. Живет в г. Дзержинске Нижегородской области.

устроили борцовский поединок на заднем сиденье. Третьи, карабкаясь по высоким креслам, пытались взобраться на багажные полки.

Угломонились юные «олимпийцы», только когда появился тренер по самбо. Огромный, с бритой головой и торчащими в разные стороны переломанными ушами.

— Тишину поймали! — прогремел тренер, и все стихли.

Казалось, даже двигатель стал работать на меньших оборотах.

Автобусы отъезжали. Родители не спешили уходить с площади. У некоторых был такой вид, словно они провожали своих отпрысков в последний путь. Иные, напротив, не скрывали радости. В толпе угадывались счастливые лица папаш.

Ехать предстояло около трех часов. В сопровождении двух полицейских «десяток» выбрались из города и покатали по трассе.

Опустив спинку кресла, Эдик быстро уснул.

Автобусы плыли по залитому солнцем шоссе. Густые воротники деревьев за окном сменялись цветущими лугами или низкими домиками редких деревень и дачных поселков. Попутные автомобили уступали дорогу, угодливо перестраиваясь в соседний ряд. Полицейское сопровождение действовало безотказно.

Идея устроиться вожатым в летний спортивный лагерь пришла в голову Эдику. Уже больше года он уклонялся от армейской службы и зарабатывал на жизнь, продавая славянские обереги на Покровской улице Нижнего Новгорода. Узнав о том, что его дядя выбил должность директора лагеря, падкий на халяву Эдик напросился к нему. А чуть позже замолвил слово за своего друга — безработного неудачника Валеру. Мало того, поехать в «Олимпиец» трусливого увальня пришлось еще и уговаривать.

«Дармовые харчи, море в двух шагах, еще и деньги платят! Не тупи, Валер, такой шанс раз в жизни выпадает!»

Недолго поколебавшись, Валерка сдался.

2

Территорию «Олимпийца» окружал высокий забор. Деревянные домики, расписанные рисунками из советских мультфильмов, хаотично расположились по периметру огороженного лесного массива. От проходной, повиливая, уходила асфальтированная велодорожка.

Дети шумно высыпали из автобусов. Затем достали сумки из багажных отсеков и, подгоняемые тренерами, разбились на группы. Футболисты, боксеры, гимнасты, борцы и прочие спортсмены заполнили площадку у столовой.

— Двадцать шестой номер — ваш, — мимоходом бросил Вожак, сунув Эдику ключ на капроновом шнурке.

Домик, который выделили ребятам, прятался от солнца под березовой листвой. Треснутый шифер на крыше порос ядовито-зеленым мхом. На крыльце валялись сухие ветки, ржавые ведра и жестяные банки из-под краски.

— Выдал хоромы, — бурчал Эдуард, ковыряясь ключом в навесном замке.

В крохотной комнатухе пахло сыростью. Там стояли две кровати со свернутыми у изголовья матрацами и две тумбочки с корявыми надписями, нацарапанными шаловливой детской рукой. На веревках, натянутых под потолком, болтались чьи-то застиранные «семейники» и с желтыми разводами майка.

Эдик расправил матрас и бросил сумку на кровать. Гитару бережно прислонил к стене.

Они вышли на крыльцо, облокотились на облезлые перила, закурили. Сверху свисали длинные нити паутины. Валерка ткнул в них тлеющей сигаретой.

— Вообще-то у нас не курят, — раздался визгливый голосок с требовательными, руководящими нотками.

Обернувшись, ребята увидели высокую, худощавую женщину лет тридцати. Она носила очки и собирала волосы в жидкий хвостик.

— Здравствуйте, молодые люди, — насмешливо произнесла она, постукивая папкой по ладони, — зовут меня Ирина Владимировна, я старший воспитатель и ваш непосредственный начальник.

Женщина прошла в комнату. Беспардонно сбросила сумку Эдика с кровати. При села, раскрыла папку и сделала какие-то пометки.

Друзья выбросили окурки и вошли следом.

— Так, кто из вас Валера? — спросила она.

— Я за него, — махнул рукой Валерка.

— Замечательно. Значит, ты сегодня отвечаешь за музыку. На тебе дискотека. Аппаратура на проходной. Ключи возьмешь у Болтушкина, это наш завхоз, он тебе все объяснит. Ну а ты, Эдуард, будешь на подхвате, — Ирина Владимировна поднялась, одернула старомодную, кремовую юбку. — Так, сейчас черкните свои телефоны, и я побежала.

3

Маленький, пузатый завхоз был похож на крепко поддающего Карлсона. Он то и дело пощипывал пожелтевшие усы и хлопал подтяжками на камуфляжных штанах.

Гостей Болтушкин встретил хмуро.

— Умеете хоть пользоваться-то? — кряхтел он, вытаскивая из подсобки аппаратуру.

— Разумеется, — успокоил Эдик и смахнул пыль с микшерного пульта.

Ребята вынесли две массивные колонки на улицу. Карлсон протянул спутанный моток проводов и удлинитель на катушке. Затем сходил за ноутбуком. У ноута оказалась сломана петля на крышке.

— Микрофон еще есть, — участливо сообщил завхоз, — только он нерабочий.

— Спасибо, обойдемся, — сказал Валерка, с трудом поднимая колонки.

После столовских щей и мясной запеканки вожатые, сидя на крыльце, распутывали головоломку из проводов.

За это время Ирина Владимировна успела позвонить трижды.

— Ну как успехи, юноши? — беспокоилась старший воспитатель. — Я на вас надеюсь. Валерка отключил телефон.

— А это вы новые диджеи? А сегодня будет дискотека? — пищали дети, окружив ребят.

Некоторые старались ухватить Эдика за куцую косичку. Тот рычал и дергал головой. А один смельчак, спрятавшись за деревом, метал в вожатых шишки.

— Пошли вон, уроды!!! — не выдержал Эд, когда еловый снаряд отскочил от его лба.

Мелюзга со смехом и улюлюканьем прыснула в разные стороны.

— Все, на хрен! С меня хватит! — сказал Эдик и воинственно зашагал в сторону проходной.

Установив колонки на низкой сцене павильона, Валерка сидел за школьной партой и, проклиная коллегу, наугад выкручивал ручки микшера. Реанимировать удалось только одну колонку. Вторая шипела и хлопала. «Ничего, — успокаивал себя диджей, — хватит с клопов и одной».

Поначалу «олимпийцы» кучковались у павильона, не решаясь подняться на танцпол. Но как только стало смеркаться, к сцене, поближе к колонке, вылетели гим-

настки. Образовав круг, они пластично двигались, копируя модные движения. Парни жались у стен. Некоторые хватали своих приятелей за руки и вытаскивали в центр. Мальчишки трусливо убегали обратно.

Появилась Ирина Владимировна. Она одобрительно похлопала Валерку по спине и показала большой палец. Затем отошла в сторону и начала приплясывать, в такт покачивая головой.

Возвышаясь над прыгающими шкетами, к диджею протискивалась полноватая женщина в коротком топе и голубых джинсах. Она была ярко покрашена, выглядела лет на тридцать пять.

— А есть «О боже, какой мужчина!»? — призывно склонилась мадам, коснувшись грудью Валеркиного плеча.

— Сейчас поищем, — ответил диджей, смущенно отстраняясь.

— Спасибо, добрый человек, — хохотнула она и грузно соскочила со сцены, едва не сбив с ног девочку в кудряшках.

Тетка горячо отплясывала, энергично перемещая тяжелый, как сетка с картошкой, зад из стороны в сторону. Ее финты становились все откровенней. Казалось, еще немного, и она начнет раздеваться.

Когда Натали наконец стихла, танцорка обиженно скривила губы. Затем топнула, громко произнесла что-то вроде лошадиного «тпру», спрыгнула с площадки и убежала.

— Не обращай внимания, — сказала старший воспитатель, поймав Валеркин взгляд, — это Алена, племянница нашей медсестры. Она малость не в себе. Приезжает отдохнуть, воздухом подышать...

— А как же...

— Что? А, да не, она не буйная, не первый год уж ездит.

Около девяти вечера позвонил Эдик. Валерка отошел в сторону, там было потише.

— Чувак! — с азартом кричал Эд. — Ну ты как там, справился с техникой? Погоди, я же самое главное не сказал! Я тут с двумя парнями познакомился. Короче, они работают массажистами в соседнем лагере. И там студенток из Политеха до фига! Надо будет сгонять к ним в гости. Ну ты че молчишь? Алле!

— Развлекаешься? А я тут из-за тебя колонку сжег. Ты же сам орал, что разбираешься во всей этой канители!

— Я в этом смысле не больше твоего, друган.

— Отлично! И меня одного кинул! Шикарно!

— Ладно, не бузи.

Валерка нажал сброс.

Вернулся Эдуард около полуночи. Не раздеваясь, упал в кровать, накинул на себя одеяло и отвернулся к стене. Через минуту послышался храп.

— Не спите еще? — постучав, открыл дверь Руслан Вафович и вошел в домик.

Валерка отложил книгу. Сартр «Тошнота» — разглядел название дальнотзоркий директор.

— А что Эдя у нас? Притомился с непривычки? — спросил Вожак и присел на краешек постели.

— Ага, умаялся, — ответил Валера.

— Вы, ребята, только меня не подводите. Мы ведь теперь одна команда. Я здесь человек новый, многие против меня заговоры плетут, — вполголоса проговорил директор, мотнув головой в сторону двери, — и за вами будут следить, присматриваться. Любая ваша оплошность — удар по моей шее. А поработаете здесь, проявите себя, и уже будем думать, как вас на таможню пристроить, в охрану. У меня там лейтенант знакомый. Деньги хорошие будут платить. А то куда это годится, почти по двадцать пять лет мужикам, а какой-то ерундой занимаетесь. Ведь неглупые же

парни, начитанные вон! Я Эде сколько раз говорил вытащить эти дурацкие серги, крысиный хвост обрезать и работать нормально. А он уперся. Не буду, не хочу. Все под дурачка. Потому что проще так.

Эдик перевернулся на спину и засопел с полуоткрытым ртом.

— Не понимает он, — сказал Вожак чуть тише, — что детство давно кончилось. Имидж, видите ли. Имидж — это когда деньги в кармане шуршат. Ясно?

— Ясно, — кивнул Валерка.

— Да ничего вам не ясно, — вздохнул он, — поколение...

Хлопнув себя по ляжке, директор встал:

— Ладно, пойду я. В девять «летучка», не опаздывайте.

Руслан Вафович вышел, плотно закрыв скрипучую дверь.

4

Утром Валерка поднялся рано, распахнул дверь. Щебетали птицы. Покачиваясь на ветру, царапали крышу ветви березы. Слышался глухой топот. Небольшими группами спортсмены бегали кросс.

Собрание длилось не больше десяти минут. Вожак стоял в центре, упираясь ладонями в край длинного стола. Остальные расселись друг против друга. Эдик, уронив голову на сложенные перед собой руки, прятался за широченной спиной Геннадьевича, тренера по самбо.

Директор говорил, присутствующие вяло кивали. Руководители кружков что-то записывали в ученические тетради. Только Ирина Владимировна то и дело вскакивала со скамейки и тянула руку, как школьница. Вожак осаживал ее властным жестом:

— Успокойтесь, с вами позже решим.

За спиной директора важно, словно верблюд, вышагивал Болтушкин. Покрасневший, усыпанный угрями нос картошкой, рубашка с закатанными рукавами и неизменные подтяжки.

«Летучка» закончилась, и все, тихо переговариваясь, неспешно отправились в столовую. Дети уже успели позавтракать.

Во время утренней тренировки вожатым предстояло сделать обход. Проверить порядок в домиках, осмотреть тумбочки на предмет запрещенных продуктов (чипсов, газированной воды, жвачки, семечек и прочих допингов), а затем выставить оценки в журнал.

К обходу Эдуард подготовился основательно — взял с собой два огромных полиэтиленовых мешка.

— Шмонать так шмонать, — сказал он, — наверняка у гавриков припрятана куча приколов.

— Не жалко? Это ж дети, — пытался пристыдить Валерка.

— Хватит либеральничать, ради их же пользы.

Ребята зашли в первый домик. Эдуард по-рыцарски припал на колено и открыл тумбочку.

— Пусто, — тоскливо резюмировал он. Затем вытащил из-под кровати чью-то сумку и стал рыться в ней, раскидывая по полу майки, эластичные бинты и трико.

— Чувствую себя последней скотиной, — сказал Валерка и вышел на крыльцо.

— Так, — деловито проговорил Эдик, — приколов не нашли, кровати заправлены, в тумбочках порядок — ставь четверку.

— А почему не пять? — Валерка раскрыл журнал и щелкнул ручкой.

— Идеальный порядок говорит о бедной духовной жизни постояльцев. Пошли дальше.

Около спортплощадки к ним подскочила племянница медсестры, безумная Алена.

— Приветик, — широко улыбнулась и обняла Валерку за талию, — а сегодня будет дискач?

Валерка шагнул в сторону, освобождаясь из ее объятий:

— Будет-будет, не переживайте.

— Ты меня не хочешь, — обиделась Алена, — а твой друг?

— Господа, я что-то пропустил? — хлопал коровьими ресницами Эдик, когда женщина нырнула в его объятия.

— Потом объясню, — буркнул Валерка, — пошли на обход.

— Так я с вами, мне все равно делать нечего, — сумасшедшая крепко сжала Эдику ладонь.

— Алена, не мешайте, пожалуйста, работать, — сказал Валера, — идите, вас там, кажется, искали.

Женщина вырвала руку и, всхлипывая, потрусила к медпункту.

— Ну и зачем ты бабу отшил? — спросил Эдик, покусывая травинку.

— Да? А ты ничего не заметил?

— Например?

— Например, что она со сдвигом.

— Ничего подобного. Ты совсем не разбираешься в людях. Просто своеобразная, неординарная, мне такие нравятся, — Эдуард посмотрел ей вслед.

Позвонила старший воспитатель. Валерка нехотя ответил.

— Мальчики, — стрекотала Ирина Владимировна, — поторопитесь, вы мне будете нужны. Давайте-давайте, в темпе вальса.

— Да шли ты ее, задрала уже! — зыкнул Эдуард.

Парни посетили еще несколько домиков, оценивая порядок по всей строгости. Эдик успел побросать в пакет кое-какие трофеи. На пути им попался Вожак. Он спешил в тренерскую.

— Валера, не сутулься, — игриво крикнул он, — девки любить не будут.

Валерка демонстративно расправил плечи.

— Эх, пацаны вы, пацаны, — махнул рукой директор, — когда вы только повзрослеете?

— А мы, дядь, как советская власть, — сказал Эдуард, — повзрослеем не раньше тридцать седьмого года.

— Балабол, — снова махнул Руслан Вафович.

В одном из домиков вожатые обнаружили на столе томик Герберта Уэллса.

— Вот тут твердая пятерка, — сказал Валера, — даже пять с плюсом.

— Единогласно, — закивал директорский племянник.

Потом друзья по распоряжению старшего воспитателя занимались подготовкой к конкурсу «А ну-ка, девочки!». Таскали громоздкие парты и стулья, бегали по лагерю в поисках обручей и скакалок, раскладывали кухонные приборы, кланчили у медсестры бинты и вату для конкурсов. Все это время Ирина Владимировна торопила парней. При этом истерично, как молодая свинка, взвизгивала. Она комкала и топтала листы бумаги со сценарием конкурса, если что-то выходило не так.

— Чувак, а ты вот, к примеру, знаешь, что может спровоцировать человека на убийство? — спросил Эдик.

— Ну?

— Совсем немного. Для этого вполне достаточно провести в компании этой мымры хотя бы пять минут.

Вечером к вожатым скреблись дети. Они скулили и слезно умоляли вернуть изъятые «приколы». Спустя два часа Эдуард распахнул форточку и широким жестом выбросил пакет чипсов. «Олимпийцы» набросились на него, как гиены на занную косулю.

— Ну что может быть приятней власти? — патетически изрек тиран, стоя перед окном и попивая колу на глазах у страждущих. Глотнув, Эдуард закатывал от наслаждения глаза.

На дискотеке Эд танцевал медленный танец с Аленой. Он что-то шептал ей на ухо. Племянница медсестры хохотала.

— Кажется, я влюбился, друган, — рассуждал Эдик в домике. Он лежал в кровати, закинув ногу на ногу, перебирал гитарные струны, — она, знаешь, как чеховская душечка. Добрая, нежная и непосредственная. Я таких еще не встречал...

5

По дороге в деревню Суходол за вожатыми увязался пес. Лохматый, с вытянутой мордой, пушистым хвостом и комочками грязи на рыжевatom брюхе.

— По-любому с лисой скрещена, — сказал Эд, теребя собаку за ухом.

— Давно ли в селекционеры заделался? — усмехнулся Валера.

— Да тут невооруженным глазом видно. Вон смотри, морда-то лисья. Напомни мне ему сосисок зацепить, ладно?

Ребята двинулись дальше. Было начало шестого вечера, а солнце палило, как в полдень. Проехал какой-то сопляк на квадроцикле, накрыв вожатых густой пыльной тучей. Эдик откашлялся, выругался и показал лихачу средний палец. «Лисопес», помахивая хвостом и бодро твякая, то отставал, то забегал вперед.

— Веста, — сказал Эдик, — назовем ее Вестой. Ей подходит.

— Хорошо, пусть будет Веста. Хотя, возможно, это кобель.

В магазине работал кондиционер. Шумные студенты из соседнего лагеря закупались пивом. Продащица, бурча, доставала из-под прилавка упаковки с «полторашками». Валерка с Эдиком взяли вина, сигарет и триста граммов дешевых сосисок.

На улице пса не оказалось.

— А где же собакины? — сказал Эд и несколько раз коротко посвистел.

— Мне больше интересно, где твои друзья-массажисты? — ответил Валерка.

— Обещали к шести. Ладно, пойдем пока в лес. Там тенёк, хорошо. Сейчас их наберу.

Вожатые расположились на поваленной березе, под навесом густой листвы. Стоял приятный запах свежей зелени.

Вскоре подошли массажисты. Одного, высокого, с прыщавым лицом и острым носом, звали Захар. Другого, полного, с редкими усиками и взлохмаченной кудрявой головой, Петр.

Захар оказался чрезмерно болтливым, друг его, наоборот, был молчаливым и угрюмым.

— Работа, парни, кайфовая, — рассказывал Захар. — К тому же еще и деньги платят нормальные. Мы уже третий год ездим, мы у них типа на хорошем счету.

Петя достал из кармана перочинный ножик, поднял ветку и стал усердно ее строгать.

— Так, может, и нам что обломится?

— Да какой базар, парни. Приходите к одиннадцати на танцульку, все будет.

— А как нас пропускают? — поинтересовался Валерка. — Там же ворота у вас Бранденбургские и охранники постоянно шустрят.

— Грамотный вопрос, — кивнул массажист, — на этот случай там лазейка есть. Вы нам ближе к делу отзовитесь, и мы вас протащим.

Разошлись около восьми вечера. Валерке еще предстояло провести дискотеку, да и массажистов ждала работа.

Стараясь изобразить бурную деятельность, Валерка сосредоточенно добавлял песни в плейлист. В тот вечер на дискотеку пришли почти все. Даже конькобежки вилялись в сторонке. Эдик, распахнув рубашку и подняв воротник, исполнял странные шаманские па. Лицо его покраснелось, взгляд был зловещим и полным безумия.

— «Нирвану»! Хочу «Нирвану»! Валер, ставь «Нирвану»! — кричал он.

Даже племянница медсестры шарахалась от него по всему павильону. Ребята-футболисты снимали ошалелого водителя на мобильный телефон.

Доиграл последний медленный танец. Валерка сдвинул ручки микшера на минус и включил общий свет. «Олимпийцы» недовольно замычали.

— Всем спасибо, все свободны, — сказал диджей и принялся сматывать провода.

Эдуарда он застал на крыльце домика. Он сидел на корточках, безвольно свесив взмокшую голову. У его ног лежала гитара.

— Ну и че ты там вытворял? — спросил Валера, загоняя удлинитель под тумбу.

— Наша славная Конституция великодушно предоставила мне право на отдых, — невнятно пробормотал он. — Пойду в море окунусь. Потом по бабам. Позвони пока этим... массажерам.

Эдик поднялся и, спотыкаясь, вышел.

У проходной ребят остановил Болтушкин:

— Куда путь держим, молодежь?

— Прогуляться, — ответил Валерка, — ворота откройте, пожалуйста.

— Ночной променад, — вмешался Эдик, — что, нельзя? Крепостное право, чтоб вы знали, отменили в тысяча восемьсот шестьдесят втором году.

— В шестьдесят первом, Эд, — поправил Валера.

— Тем более!

Завхоз кивнул небритому охраннику в камуфляжной куртке. Тот лениво поднялся со стула и, поигрывая связкой ключей, направился к воротам. Карлсон наблюдал за парнями сквозь узкие щелочки глаз.

Со стороны лагеря «Альтаир» грохотали басы, изредка прерываемые бодрым голосом диджея и восторженными криками толпы.

— Ну где там их лаз?! — нервничал Эд. — Все же пропустим.

Подсвечивая телефонами и ориентируясь на сдавленный голос Захара по ту сторону забора, водятые нашли небольшую прореху в сетке-рабице. Ползя по-пластунски, Валера ободрал спину.

— Только постарайтесь охране на глаза не попадаться, — предупредил Захар, — увидят без бейджигов — выкинут в момент. И нам заодно влетит.

В домике у Захара и Петра стоял запах жареной рыбы. Расселись на кроватях. Курили, стряхивая пепел в закопченную стеклянную банку. Петя принес электрогитару. На исцарапанном корпусе старенького «Фендера» красовался логотип панк-группы «F. P. G.»

— Уважуха, — покачал головой Эдуард, любовно принимая инструмент, — комбик есть?

— Неа, — ответил Петр, — мы в нашем клубе играем, там усилки.

У толстяка оказался тонкий, почти детский голосок.

Эдик взял пару аккордов и отложил гитару:

— Неплохой аппарат.

Говорили о музыке и девчонках. Эдик все больше и больше распалялся, Валерку, наоборот, клонило в сон. В итоге он закемарил на койке Захара, трогательно прижав колени к груди.

Ребята отправились на дискотеку, оставив спящего Валерку в домике.

Огромный танцпол был выложен брусчаткой с затейливыми узорами. Над диджейским навесом крепился массивный стробоскоп, подмигивающий всеми цветами радуги. Чуть левее — лазерный проектор. Несколько лучей, точно мечи джедаев, резали площадку вдоль и поперек. Расставленные по периметру колонки бахали так, что отдавало в грудь.

Было много девушек в коротких юбках и белых майках. Спортивного вида юноши, согнув руки в локтях и сжав кулаки, энергично скакали под «Хард Басс».

— Ребята, да ведь это эдем! — потер ладони директорский племянник, провожая взглядом девчонку в обтягивающих джинсах.

Размахивая руками, точно осваивая баттерфляй, Эдик с радостным воплем ворвался в толпу. Массажисты присели на скамейку рядом с пустующим стендом, на котором остались лишь пожелтевшие уголки фотографий. Петр шумно дышал и озираясь по сторонам. Захар попытался заговорить с проходившей мимо блондинкой.

— Отдохни!

Получив резонный ответ, незадачливый ловелас сразу спик.

Зазвучали гитарные переборы Limp Bizkit «Behind Blue Eyes». Десятки пар слились в медленном танце.

— Бивни! Сатрапы! — срывая голос, кричал Эдик на противоположной стороне танцплощадки. — За все ответите!

Через мгновение его выволокли два рослых охранника в серой униформе. Левое ухо Эдуарда распухло и было лилового цвета. На рубашке отсутствовал рукав. Вместо него остались только нитки, свисающие с плеча, словно эполет.

Массажисты вскочили и подрапали в сторону домика. Они забежали в комнату и принялись расталкивать Валерку:

— Просыпайся, дружбана твоего повязали!

— О, Господи, что еще этот придурак натворил? — Валера тяжело поднялся, осторожно ступая, вышел из домика и поплескал на лицо из умывальника. Затем вернулся и снова опустился на включенную кровать.

— Валишь тебе надо. По-быстрому, — бегал из угла в угол Захар, — как бы и нас не повязали.

Петр спешно стирал со стола пролитое вино и прятал недопитые пластиковые бутылки Валерке в рюкзак. На крыльце раздался топот. Разболтанная дверь, шаркнув о деревянную половицу, распахнулась.

— О, Серег, смотри, тут еще один, — заглянув, сказал охранник, — давай-ка на выход. А с вами, — обратился он к массажистам, — решим завтра. Готовьтесь.

Валерка повесил за спину рюкзак и вышел. У Захара было онемевшее, точно вылепленное из воска, лицо. Петя сидел насупившись и смотрел в пол.

— Не, ребят, а собственно, в чем проблема? — возмущался Эдик, подгоняемый церберами. — Ну зашли к приятелям на чай, тоже мне преступление. А тот тип в спортивках сам на меня наехал.

Охранники молча следовали за нарушителями. Наконец их доконвоировали к высоким воротам с острыми гранеными штыками на вершине.

— Ну, — развернулся Эдуард, — открывайте.

— А ты не оборзел ли! Лезьте давайте.

— Фашисты, — пробубнил Эд.

Звения цепью, соединяющей створки, он стал карабкаться, едва попадая носками кроссовок в узкие расщелины решетки. Валерка перекинул рюкзак на ту сторону и повис на ограждении, смешно свесив зад.

— Уроды, — выругался Эдуард, мучительно преодолев препятствие, — чуть зад себе не распорол.

Вернулись в родной «Олимпиец». Внезапно Эдик остановился и сказал:

— Момент. Дело есть.

Он сорвался с места и помчался к домику старшего воспитателя. Добежав до цели, он что было дури врезал ногой по дээспэшной стене. Раздался пронзительный бабий визг.

— Надеюсь, не ошибся адресом, — сказал Эд, смахнув со лба пот, — валим от греха.

Со стороны моря дул прохладный ветер. Над мрачными силуэтами деревьев бледной запятой повис полумесяц. Ребята курили на крыльце, выдувая сизые струйки дыма в темноту. Вдруг они увидели, как от умывальников к соседнему домику скользнуло серое пятно.

— Веста! — крикнул Эдуард. — Веста! Иди ко мне! Иди ко мне, моя хорошая!

Раздался залиvistый лай, и уже через секунду собака скулила у крыльца и отчаянно била хвостом, стараясь лизнуть вожатых в губы. Эдик накормил ее остатками сосисок. Благодарно твякнув, Веста припустила в сторону леса. Послышался мягкий шелест июньской травы.

— Дворняги, они вообще самые преданные, — поморщился Эдик, закулив новую сигарету. — Когда мне было лет семь, я у бабушки целый год жил. Предки тогда с переездом решали, в общем, не суть. Так вот у бабки был пес. Обыкновенная дворняжка с мохнатой мордой и крючковатым хвостом. Туманом звали. Добрый, ласковый. Смешной, лопоухий... Как-то раз я сидел дома и смотрел телек. Зимой дело было. Вдруг слышу: во дворе дикий собачий визг. Бросаюсь к окну и вижу, как нашего Тумана рвет здоровенная соседская овчарка. Выбегаю на улицу, а там уже бабка в халате и фуфайке колотит по соседской зверюге неподъемным дверным засовом. А той хоть бы хны. Вцепилась в лапу Тумана мертвой хваткой. Из лапы кровь хлещет, расплывается по снегу. Зрелище жуткое. Но и мой пес рычит, скалится, хватается того за шею. А меня и злость, и страх берет. Только бабушка орет и самоотверженно орудует засовом. Кончилось все тем, что на крики прибежал сосед, схватил овчарку за ошейник и уволок домой. Мы Тумана долго выхаживали, ветеринаров, ясное дело, в деревне нет. Домой его отнесли. А он, бедняга, стесняется. В доме же никогда не был, в конуре жил. Мы ему постелили в задней комнате, а он скулит и под печку, хромая, забирается.

Так и ковылял на трех лапах. Летом за мной приехали родители. Когда сумки уже были в багажнике, мы по старой традиции присели на дорожку. Туман лег у моих ног. В его глазах блестели слезы. Вот гадом буду, он плакал. А потом, подсакивая на передней лапе, старался догнать машину. Слабел и падал. Тыкался мордочкой в пыль на дороге. Потом мы выехали на трассу, и я потерял его из виду. Рыдал на заднем сиденье, прячась от отцовского взгляда. Через пару месяцев бабушка прислала письмо. Писала, что Туман умер. Он просто ухромал в лес. Известно ему было умирать на глазах у старухи. — Эдуард помолчал. — У животных все-таки еще осталось то, что мы, люди, давно растеряли... Ладно, — он потушил сигарету, — пойдем спать.

6

— Что с ухом? — спросил Вожак, подозрительно вглядываясь в лицо племянника.

— А что с ухом? Не знаю, отлежал, наверное.

Час назад директор ломился в дверь их домика. Вожатые проспали «летучку».

В десять утра начинались «веселые старты». Педсостав и тренеры против команды юных спортсменов. Все собрались на площадке возле столовой. Старший воспитатель раздавала участникам карточки с номерами. У нее была растрепана голова, покраснели глаза и слегка припухло лицо.

— Неважно выглядите, Ирина Владимировна, — издевался Эд, — не выспались?

Она бросила на него полный ненависти взгляд и протянула карточки:

— Вы тоже участвуете в эстафете. Мои поздравления.

— Нет уж, спасибо, это как-нибудь без нас, — Эдик сложил руки на груди.

— Так, да? Хорошо, сегодня же напишу докладную.

— Да сколько угодно!

— Эд, не нагнетай, — сказал Валерка и взял старательно вырезанные картонки.

Эдику достался челночный бег и прыжки в длину. Валерке повезло меньше. Ему предстояло подтянуться на перекладине не менее десяти раз. Но самое трудное — в паре с Геннадьевичем преодолеть полосу препятствий, при этом удерживая на скрепленных руках увесистую тренершу по гимнастике. Валерка подергался на турнике, не сумев принести команде ни одного очка. А потом он оступился на сложенных автомобильных крышках и рухнул, уронив на себя до смерти перепуганную тренершу.

Эдуарда круто заносило на поворотах, когда он старался обежать березу. Он спешительно хватался за шершавый ствол, сдирая ладони в кровь. Дыхание сбилось, кровь стучала в висках. Вскоре он сошел с дистанции и рухнул в кусты. Наблюдая за ним, Ирина Владимировна ликовала. Даже лицо ее посвежело и окрасилось здоровым румянцем.

После спортивных экзекуций вожатые, обливаясь потом, лежали на футбольном поле, раскинув руки и ноги.

— Столько мучений, и все зря, — задыхаясь, бормотал Эдуард.

— Чего? Ты о чем? — хватал губами воздух его друг.

— Да малышня нас сделала. Вот что.

— Отстань, не подохнуть бы.

— Ненавижу эту горгону очкастую, — простонал Эд, переваливаясь на бок. — Кстати, мэн, я же тебе еще не сказал. Когда я в песок, как последний угод, прыгал, мне Захар звонил.

— Ну и что?

— Да ничего. Орал, зачем они с нами связались и все в этом духе. Упырями нас обозвал, скотина. Короче, уволили их. И судя по всему, из-за нас.

— Весело. Судя по всему... — ответил Валерка, не поднимая глаз.

7

Уже неделю Эдуард каждое утро ставил на мр-3 плеере какое-нибудь бодрое «сайкобилли» и отправлялся на пробежку. Затем отжимался на брусьях, принимал холодный душ и завтракал.

Эдик влюбился. Алена не отходила от него ни на шаг. Днем они гуляли по берегу моря, по вечерам украдкой тискали друг дружку на дискотеке или уединялись

в пустующем домике на окраине лагеря. На обходах она также сопровождала своего избранника, послушно рисуя оценки в журнале. Директорский племян говорил только о ней и напоминал влюбленного гимназиста из романов девятнадцатого века.

Валерка заскучал. Даже пытался сагитировать сходить в Суходол за вином, но Эдик был решителен и непоколебим.

— Надолго тебя не хватит, — недоверчиво усмехнулся Валера.

— А это мы еще посмотрим, — красовался перед зеркалом Эдуард, — ты смотри, как бицуха оформилась и живот почти пропал.

— Ты деградируешь, — покачал головой Валерка. — Интересно, а о чем вы хоть с ней разговариваете? Если не секрет, конечно.

— А вот это уже не твое дело, — обиделся Эд, — о структурализме и герменевтике говорим днями и ночами... Какая тебе разница?

За две недели, проведенные в «Олимпийце», дети успели полюбить вожатых. Они проводили много времени в их домике. В тесной комнатенке порой собиралось более десятка визжащих и непоседливых гавриков. Девочки постарше с большой охотой помогали Валерке заносить в ноутбук результаты соревнований и эстафет. Пацаны слушали рассказы Эдуарда о язычестве и Древней Руси. А своего любимчика, тринадцатилетнего поклонника «Короля и шута» Юрку, Эдик учил играть на гитаре.

— Ты у меня к концу смены Джимми Хендриком станешь, — обещал директорский племян.

В благодарность будущие олимпийские чемпионы приносили вожатым фрукты и йогурты, не съеденные в полдник.

В лагерь приехал генеральный директор. Звали его Василий Васильевич Жбанов. Он был крупный, стриженный под «площадку», с недовольным выражением лица и выпяченной квадратной челюстью. Вожак, угодливо посмеиваясь, ходил за ним повсюду, как приклеенный. Не отставал от них и Болтушкин. Он что-то втолковывал, активно жестикулируя, словно в чем-то оправдывался. Жбанов неторопливо прохаживался по территории и со скучающим видом осматривал владения. Казалось, он вовсе не замечал подчиненных.

— И не вздумайте курить! — сквозь зубы проговорил Руслан Вафович, когда делегация проходила мимо домика вожатых.

Племянник неохотно спрятал сигарету в пачку.

— Тьфу ты! — сплюнул Эдуард.

— Ты чего? — спросил Валерка.

— Да противно смотреть, как они лебезят перед этим жлобом. Ты глянь, сбежались ему в ноги поклониться. Овцы. Я с ним утром поздоровался, а он харю свою задрал и проигнорил меня. Дерьма кусок!

После отбоя руководство отправилось на берег жарить шашлык. Играла музыка, голый по пояс доктор Симаков плясал вприсядку. Повариха, что-то пережевывая, шинковала овощи для салата. Тренер по самбо Геннадьевич помахивал куском картона над мангалом. Жбанов курил, развалившись в шезлонге. Не хватило водки, послали за самогоном банщика. Покачиваясь и тихо матерясь, он с грехом пополам оседлал велосипед и, укрепив скотчем фонарик на руле, заскрипел педалями в сторону деревни.

— Руслан Вафович! Руслан Вафович! Чепэ! — задыхаясь от волнения, подбежала к вожаку старший воспитатель.

Директор покосился на опьяневшего Жбанова и отошел с ней, придерживая за локоток:

— Что стряслось? Успокойтесь и рассказывайте.

— Я сейчас застучала вашего племянника... в домике ... незаселенном... с Аленой. Хоть бы детей постыдились! — отдышавшись, произнесла Ирина Владимировна.

— С какой еще Аленой? В каком домике? Говорите толком, что произошло!

— Этот ваш Эдик, извините за выражение, занимался сексом с племянницей медсестры. Да что же это такое! Не детский лагерь, а дом терпимости!

Лицо Вожака позеленело. Желваки заиграли на широких скулах.

— Идите к себе, — прошипел он так, что вздулись жилы на шее, — и ни звука, ясно?

— Я сейчас же доложу Жбанову, — трусливо отступила горгона.

— Только попробуй. Покалечу, — страшно сморщился директор.

Через минуту, высадив дверь ногой, он влетел в комнату. Алена закричала и вскочила с кровати. Едва успев завернуться в простыню, полуобнаженная Офелия выбежала на улицу. Рыдая и путаясь босыми ногами в сырой траве, она что было сил рванула к своему домику.

Руслан Вафович опрокинул койку вместе с Эдиком.

— Дядь?! Ты чего беспредельничаешь?! Мы же взрослые люди! — возмутился племянник, поднимаясь с колен.

Вожак коротко и мощно ткнул его под дых. Эдика переломило пополам, он захрипел и закашлял. В довесок, сложив руки замком, дядя саданул ему между лопаток. Эдуард снова рухнул на колени. Вожак наклонился и схватил его за шею:

— Ты хоть понимаешь, как меня мог подставить! Благодарю Бога, что это только до меня дошло, а не до Жбанова! Я бы тогда тебя на части разорвал!!! Слышишь меня?!

Эдик судорожно закивал. Директор оттолкнул племянника:

— Чтобы завтра ноги твоей здесь не было! Собирай шмотье и добирайся на попутках как хочешь!

8

Однако уезжать Эдику не пришлось. Домой отправили Алену. Инкогнито. Поговаривали даже, что ночью она пыталась вскрыть себе вены. Офелия верещала и билась в истерике. Тетка вместе с доктором Симаковым насильно вкатили ей транквилизатор и спящую отвезли в город на служебной машине.

Два дня Эдуард не появлялся в лагере. На третий вернулся. Небритый, вымазанный сажей, провонявший дымом и перегаром и с еще большей осоловелостью во взгляде. На вопросы, где он пропадал, Эдик раздраженно отвечал: «Общался с Абсолютом».

— Не переживай, — успокаивал друг, — в жизни и не такое случается.

— А че мне переживать, — нутужно хохотнул Эд, — в Нижнем ее найду. Я уже у доктора адресок ее тетки пробил. Так что все в норме...

Ближе к полуночи пошли к морю. От воды отражалась оранжевая дорожка теплящегося вдали маяка. Ребята наломали сухостоя и развели костер. Лихие клочки пламени затрепетали на ветру. Слышалось приятное потрескивание.

— Посмотри, какая красотища, брат! — вдохновенно прокричал Эдик, — гой ты, Русь моя родная!!!

Он выдернул чуть схваченную огнем ветку и стал носиться по пляжу, размахивая ею над головой. В кармане заиграл телефон. Эдик остановился, отбросил рахитичный факел и приложил мобильник к уху.

Валерка полулежал у костра. Он лениво курил, не вынимая сигареты изо рта.

— Так, чувак, — сказал Эдик, спрятав телефон, — мне Румяный звонил, сейчас едем в Нижний на рок-фестиваль. Давай быстро, помчали!

— Куда едем? — приподнялся Валерка, счищая с локтя песок. — На чем? Сейчас первый час ночи!

— Не парься, все схвачено. Поплывем на плоту. Завтра к утру прибудем. Как раз к началу феста.

— Какой, к черту, плот? Какой фест? Угомонись.

— Я тут на днях тайник за спасательной будкой обнаружил. Видать, кто-то из наших пацанов плот смастерил, ну и спрятал его в кустах. Сейчас его на воду спустим и уже к утру будем в Нижнем. Приплывем в аккурат к Чкаловской лестнице. С помпой! Как викинги на драккаре! Прикинь, как это будет круто! Один раз живем! Будет что потом внукам рассказать! В конце концов, жизнь — это не те моменты, которые прожил, а те, которые запомнил.

Стащить к воде несколько связанных брикетов из пенопласта не составило труда. А вот взобраться на них вдвоем было куда сложнее. Плот то и дело переворачивался, и новоиспеченные магелланы плюхались в холодную воду. После недолгих раздумий они предприняли следующее: Эдуард ложился брюхом на плот, а Валерка, поскольку был повыше Эда, заводил пенопластовое судно на глубину и аккуратно устраивался рядом. Но и эта затея оказалась неудачной. Эдик, цепляясь за края плота, не давал Валерке запрыгнуть. Если Валерке все же удавалось лечь на противоположную сторону, каравелла теряла равновесие, и мореплаватели снова оказывались за бортом. Через несколько минут, помогая друг другу, они выбрались на берег.

— Не получается, — стуча зубами от холода, Эдик подбросил дров в угасающий костер, — никогда ничего не получается. Аутсайдеры безнадежные. За что бы ни взялись, все проваливаем. — Эдуард шумно высморкался в сторону. — Где же мы свернули — то не так, а?!

Валерка натянул майку на мокрое тело, глотнул из бутылки:

— Кому-то повезло больше, кому-то меньше, — пожал плечами он, — ничего не поделаешь. Смирись.

— Ну уж нет, — встрепенулся директорский племянник, — губительный фатализм! Надо гнать его от себя! Это только временные трудности. Так ведь? Я знаю, мы еще поймем синюю птицу за клюв. Слово даю, — сказал Эдуард, вглядываясь, как трофейный плот, покачиваясь на волнах, уходит вдаль, медленно растворяясь в темноте.

9

Свирепый ветер гнул стволы молодых берез, раскачивал многолетние тополя и безжалостно срывал дрожащие листья, точно люберецкий отморозок серьги с девчонок. Небо почернело. Воздух стал густым и тяжелым.

Карлсон отчаянно молотил железным прутком по куску рельсы, привязанному к ветке дуба недалеко от столовой.

— Ураган! Ураган! — вопила старшая воспитательница и, как наседка, бестолково бегала по территории.

— Уводите детей в павильон! — орал в шипящий громкоговоритель Вожак.

Природный катаклизм, который мог закончиться трагедией, сделал из Эдуарда героя. Он носился по лагерю, хватал испуганных детей на руки и мчался с ними к павильону. Там директорский племянник уже успел расставить скамейки, установить проектор и загрузить диск с мультфильмами. Получился небольшой импровизированный кинотеатр.

За рекордное время он проверил все домики. Но в крайнем, там, где жили футболисты, ему не открыли дверь. В ответ на стук слышался смех. Эдик вышиб замок и за шкирку притащил малолетних балбесов в укрытие. Действовал он хладнокровно, не паникуя. Словно много лет прослужил в МЧС.

Позднее, когда ураган стих, с ужасом обнаружили вырванную с корнем березу, которая рухнула на домик футболистов, проломив хлипкую крышу. А заглянув внутрь, увидели, что острыми обломками шифера был усеян весь пол.

На линейке под всеобщие аплодисменты Эдику торжественно вручили грамоту. Вожак, прослезившись, расцеловал племянника и крепко пожал ему руку.

— Я не сомневался, что ты себя проявишь, — сказал Руслан Вафович, не желая отпустить его ладонь.

— Да перестань ты, ничего особенного, — смущался Эдуард.

— Ты молодец! Настоящий герой!

— Дядь, — шепнул на ухо Эд, — а денежное вознаграждение героям, случайно, не предусмотрено?

10

Приближался традиционный корпоратив. Усилиями руководителей кружков столовую превратили в банкетный зал. На покрытых скатертью, составленных в ряд столах размещались нехитрые закуски и горячие блюда.

Вожатые принесли аппаратуру. Не доверяя Валеркиному вкусу, музыку подбирала Ирина Владимировна.

Собрался весь педсостав, тренеры, повара и медработники. Тетки расхаживали в вечерних платьях, мужчины щеголяли в брюках и светлых рубашках, а самые модные нацепили яркие галстуки или, того хуже, черные «бабочки». В помещении стоял гул, как в приемные часы в беседе.

Позвенец вилкой по бокалу, с речью выступил Вожак. Не мудрствуя лукаво, Руслан Вафович откупился парой штампованных фраз о дружном, сплоченном коллективе и о необходимости спортивного воспитания подрастающего поколения.

Его спич встретили аплодисментами.

Валерка с Эдиком сидели напротив футбольного тренера, круглого, с пушистыми усами старичка, похожего на Якубовича.

— Парни, водочку употребляем? — спросил он дружелюбно.

— Совсем немного, — сказал Эдик и придвинул стопку.

Выпили. Валерка потянулся к салату «Мимоза»

Выступающего доктора сменил Болтушкин. Но его никто не слушал. Слова завхоза тонули в нарастающем праздничном шуме.

Старший воспитатель исполнила на гитаре «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». У нее оказался на удивление приятный, высокий голос.

— Как здорово, что скоро мы все тебя не увидим, — бормотал Эдуард, шелкая пальцами, словно подзывал гарсона.

Валерка танцевал, пытаясь ухватить повара за мясистый зад.

На всю мощь зазвучал кавер «Видели ночь» молдавской группы «Zdob Si Zdub». Эдик влетел в столовую и проскользил на коленях в центр круга, слово вокалист «AC/DC». Затем повалился на спину и с сумасшедшим хохотом попытался исполнить нижний брейк-данс.

Валера рухнул под стол, увлекая за собой часть скатерти и глубокую тарелку с любимой «Мимозой».

Директорский племянник добрался до коробки «Отдохни». Варварски распотрошив ее, он сорвал пробку с бутылки и сделал большой глоток. Ирина Владимировна рискнула отнять у него казенные пол-литра. Эдик прижал флакон к груди, как антилопа, отпрыгнул и прокричал:

— Руки фу! Не прикасайся ко мне!!!

К домику Эдика с Валеркой транспортировали Болтушкин, «Якубович» и доктор Симаков.

— Я ничего не вижу, я ничего не вижу, — плакал Валерка, волоча ноги по земле.

Только наутро друзья вспомнили, как к ним, валяющимся в расхристанных позах на крыльце, подошел Руслан Вафович и произнес одну лишь фразу: «Вы уволены».

11

Старенькая «Волга» ждала вожатых у проходной. Болтушкин курил, развалившись в водительском кресле. Двигатель урчал, из выхлопной трубы скатывались капли масла.

Было пасмурно, накрапывал дождик.

Ребята положили сумки в багажник. Гитару Эдик усадил рядом с водителем, уперев гриф в мягкий подголовник кресла. Спросил у завхоза сигарету.

— Какие-то хреновые у нас проводы, а? — затаившись, охрипшим голосом говорил Эдуард. — Переаншлаг просто.

— Да уж. Хоть бы кто-нибудь из детей, ради приличия, пришел. Неблагодарные...

— И не надейся, — Эдик передал недокуренную «Тройку» Валерке, — считай, что они про нас уже забыли. Память у них короткая, как у аквариумных рыб.

— Ну вы там скоро? — выглянул из салона Карлсон.

Друзья сели на заднее сиденье, захлопнули дверцу. Машина тронулась, миновала распахнутые ворота и лихо понеслась по проселочной дороге. В клубах пыли, вздымающихся из-под колес, вожатые не могли заметить Весту, которая, высунув язык и фыркая, мчалась следом, в надежде догнать стремительно исчезающий автомобиль.